

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ ВОЛОГОДСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ)

Іюля 1.

№ 13.

1889 года.

С Л О В О

на день празднованія пятидесятилѣтія возсоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію.

Торжество, собравшее насъ сегодня на молитву и религиозное размышленіе, переноситъ нашу мысль къ западнымъ соотечественникамъ нашимъ, вмѣстѣ съ которыми мы празднуемъ нынѣ пятидесятилѣтіе ихъ возсоединенія съ православною греко-россійскою церковію.—Празднуемое нынѣ событіе имѣетъ для нихъ великое значеніе: отторгнутые нѣкогда отъ Россійской церкви насиліемъ и происками враговъ Православія и Россіи, они, чрезъ возсоединеніе съ нею, снова приобщились истинной Церкви Христовой и въ лонѣ истинной матери своей обрѣли то духовное преуспѣяніе и спокойствіе, котораго лишены были во время продолжительнаго отчужденія отъ нея. Празднуемое событіе имѣетъ важное значеніе и для нашей православной церкви и для всего нашего отечества: православная Русская церковь приобрѣла себѣ въ возсоединившихся, нѣкогда заблудшихъ, своихъ чадъ, а дорогое отечество наше приобрѣло въ нихъ вѣрныхъ сыновъ, соединившихся съ остальнымъ русскимъ народомъ крѣпкими узами вѣры и любви. Чтобы яснѣе обнаружилось предъ нами въ настоящій день указанное значеніе празднуемаго событія, вспомняемъ судьбы западныхъ соотечественниковъ нашихъ: вспомняемъ, какъ было

подготовлено и какъ совершилось отпаденіе ихъ отъ единства вѣры съ нами, какимъ тягостнымъ испытаніямъ, бѣдствіямъ и опасностямъ подвергались они и какъ явлена имъ въ послѣднія времена милость Божія, составляющая предметъ радости настоящаго торжества.

Возсоединившіеся съ нами по вѣрѣ соотечественники— братья наши по происхожденію и языку, и изначала составляли нераздѣльную часть русскаго народа. Когда свѣтъ христіанства озарилъ землю Русскую, тогда и западные братья наши, вмѣстѣ со всѣми русскими, приняли православную вѣру, насажденную въ Россіи св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ; вмѣстѣ со всѣми русскими они славили Бога на одномъ и томъ же славянскомъ языкѣ; составляли одну и ту же Русскую церковь. Единство вѣры православной еще крѣпче утвердило родственную связь между русскими племенами—и предки западныхъ соотечественниковъ нашихъ вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ народомъ составляли одну православно-русскую семью, одну святую Русь. Такое тѣсное единеніе западныхъ братій нашихъ со всѣмъ русскимъ народомъ обѣщало свободное развитіе у нихъ русской народности въ духѣ Православія.—Но какъ въ жизни человѣка, такъ и въ жизни народа бываютъ несчастія. Настала година испытанія и для Россіи: она подверглась разгрому татарскому и, обезсиленная до крайности, занята была въ западныхъ областяхъ своихъ Литвою, едва до того времени извѣстною, скрывавшеюся въ лѣсахъ нынѣшней Виленской губерніи. Это отпаденіе отъ Россіи западныхъ областей ея было первымъ несчастіемъ для западныхъ братій нашихъ; но это было только началомъ тѣхъ золъ, которыя имъ предстояло испытать впоследствии. Господство Литвы на первыхъ порахъ не оказалось вреднымъ ни для народа Русскаго, ни для церкви православной. Русская церковь наслаждалась въ Литвѣ совершенною свободою вѣроисповѣданія и осталась неприкосновенною въ правахъ своихъ. Мало того: русскіе скоро оказали превосходство надъ литовцами, какое обыкновенно

имѣть просвѣщенный народъ надъ варварскимъ; русскій языкъ сталъ господствующимъ въ Литвѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣра православная нашла здѣсь новыхъ исповѣдниковъ: многіе литовскіе князья стали чадами православной церкви; слѣдуя ихъ примѣру, и прочіе литовцы постепенно принимали православіе, объединяясь духовно съ русскими. Литва сдѣлалась почти русскою православною державою.—Но успѣхи православной вѣры и развитіе русской народности въ Литвѣ скоро остановились. Литовское государство подпало подъ владычество поляковъ, а вмѣстѣ съ этимъ для русскаго народа и для православной церкви въ Литвѣ настали бѣдственные времена. Поляки-католики не могли не знать, что единство вѣры составляетъ главное основаніе единодушія гражданъ, а слѣдовательно и государственнаго могущества, а потому употребили всѣ усилія для совращенія русскихъ, вошедшихъ въ составъ Польши, въ латинство. Впрочемъ, коварные замыслы поляковъ долго не удавались; не только природные русскіе, но и обрусѣвшіе литовцы твердо держались православія. Между ними являлись сильные и смѣлые защитники церкви православной противъ насилій правительства. Это были люди изъ высшихъ сословій государства, родовитые православные князья; они смѣло возвышали голосъ противъ нарушенія свободы совѣсти и правъ гражданскихъ, поддерживая въ тоже время всѣми силами благосостояніе церкви православной. Изъ такихъ ревнителей православія особенно достойны благодарной памяти потомства знаменитые князья Острожскіе. Особенно твердо держались православія, несмотря на всѣ угнетенія отъ поляковъ, люди среднихъ и низшихъ сословій.

Та твердость въ православіи, какую обнаружили русскіе въ борьбѣ съ поляками-католиками, дала понять послѣднимъ, что олатинить и слить съ польшею русскихъ сразу и насильно невозможно. Тогда (во 2-й половинѣ XVI вѣка) придумано было особенное средство, могущее вести къ цѣлямъ поляковъ, т. е. къ сліянію русскихъ съ ними по вѣрѣ и на-

родности. Средствомъ этимъ избрана была унія, т. е. такое церковное соглашеніе, по которому русскіе должны были признать папу своимъ главою, принять ученіе римской церкви, при чемъ могли имѣть свою іерархію, свои храмы, богослуженіе и обряды. Унія, по мыслямъ поляковъ, должна была служить переходною ступенію къ совершенному сліянію русскихъ съ ними по вѣрѣ и народности. Унія, такимъ образомъ, была хитро придуманнымъ обманомъ съ цѣлію обратить русскихъ въ чистое латинство. Достойными виновниками этого обмана были іезуиты, незадолго предъ тѣмъ явившіеся въ Польшу и Литву и соединившіе свои интересы съ интересами поляковъ. Съ свойственною имъ двуличностью и скрытою хитростію они выставляли предъ православными унію, какъ единственное средство поднять благосостояніе православной церкви въ Литвѣ, страдавшей тогда многими недостатками.—Къ великому несчастію для русской западной церкви, мысль объ уніи явилась именно въ то время, когда въ западную русскую церковь, давно уже страдавшую подъ гнетомъ католической польши, вкрались многія нестроенія. Она тогда разорвала уже свой тѣсный союзъ съ церковію Московскою, прежде всегда охранявшею ея благосостояніе, а патріархи Константинопольскіе, подъ высшимъ вѣдѣніемъ которыхъ находилась западная русская церковь, сами бѣдствовали подъ турецкимъ игомъ и потому не могли зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ въ западно-русской митрополіи. Предоставленная самой себѣ и своей бѣдственной долѣ, церковная жизнь въ западно-русской митрополіи пала. Высшая іерархія въ западной русской церкви состояла большею частію изъ лицъ недостойныхъ, сочувствовавшихъ Польшѣ, которые искали себѣ въ архіерействѣ только права владѣть архіерейскими имѣніями, а о своей паствѣ почти забывали и пренебрегали ею. При такомъ печальномъ состояніи западно-русской церкви, мысль объ уніи получила желаемый поляками успѣхъ. Между недостойными русскими іерархами нашлись такіе малодушные, которые, прельстясь на лъстивыя обѣщанія

выгодъ отъ уніи, согласились принять ее, отправились въ Римъ, покорились папѣ, а возвратясь въ Россію, съѣхались съ своими единомышленниками въ г. Брестъ и здѣсь объявили унію, т. е. единеніе съ римскою церковію. Такъ возникла унія въ западной Россіи, злополучная для нашихъ соотечественниковъ. Хотя эта унія большинствомъ русскихъ была отвергнута, какъ измѣна православію, но для польскаго правительства было достаточно, что ее приняло большинство западно-русскихъ епископовъ и многіе дворяне. Оно теперь задалось цѣлю всѣхъ православныхъ привлечь въ унію. Для достиженія этой цѣли употреблены были всѣ способы совращенія: приманки почестей, соблазны и хитрости іезуитской науки и всѣ мѣры виѣшняго притѣсненія. Оставшіеся въ православіи епископы, объявлены были измѣнниками своей церкви; проповѣдники православія подвергались изгнанію; православныя братства объявлены мятежными сходками; всѣ православныя — преступниками противъ духовной власти своихъ іерарховъ и противъ воли короля. Словомъ, всѣ права на свободное существованіе были отняты у церкви православной. Для нея настали теперь самыя бѣдственныя времена. Страдая отъ католиковъ, православные страдали и отъ уніатовъ. Опираясь на могущественнаго короля-іезуита (Сигизмунда), уніаты отнимали отъ православной церкви все, что она имѣла. Уніатскіе епископы православнымъ священникамъ и пастоятелямъ монастырей прямо объявляли, чтобы они принимали унію и подчинялись своимъ уніатскимъ владыкамъ, если не желаютъ лишиться мѣстъ и священнаго сана. И многіе священники и настоятели, по неволѣ, покорялись. Во многихъ городахъ уніатскіе владыки запрещали православнымъ совершать богослуженіе и въ частныхъ домахъ и даже въ шалашахъ за городомъ. Православные, у которыхъ отнимали храмы и пастырей, принуждены были или оставаться безъ богослуженія и вообще безъ удовлетворенія своихъ духовныхъ требъ, или вслѣдъ за своими пастырями, по необходимости, переходить въ унію. И дѣйствительно пере-

ходили.—Фанатическая ревность къ униі польскаго правительства и безуміе отступниковъ отъ православія были причиною того, что скоро униатская сторона взяла верхъ надъ православною. Напрасно боролись съ униєю борцы за православіе—братства, не многіе православные іерархи и ученые: ви́шняя сила и привлекательность выгодъ дѣлали свое дѣло. Церковь литовско-русская, изначала православная, вытѣснена была изъ городовъ въ скромныя села. Было время, что она лишилась было со-всѣмъ своихъ пастырей—и только забота о ней церкви Восточной вновь даровала ихъ ей. Едва минуло столѣтіе по заключеніи униі,—и церковь православная въ западномъ краѣ стала малымъ стадомъ; большая часть ея, забывъ свое происхожденіе, отступила отъ матери своей—Восточной католической церкви въ унию, пріобщила къ церкви латинской. Таковы были печальные плоды униі: св. православная вѣра была отовсюду вытѣснена и поругана; рознь и вражда водворились между единокровными русскими братьями, вмѣсто прежней любви и единопудія. Православная русская вѣра и русская народность въ Польшѣ находились на краю гибели.

Но Промыслъ Божій, подвергая церковь святую тяжкимъ испытаніямъ, не оставляетъ ее и Своимъ покровомъ. И Господь не далъ восторжествовать неправдѣ и насилію надъ правотою истинныхъ своихъ исповѣдниковъ. Наступилъ XVIII вѣкъ, вѣкъ успѣховъ русскаго оружія и ослабленія Польши, подъ гнетомъ которой изнывали и теряли свое дорогое достояніе наши братья. Какъ бы предчувствуя свое паденіе, Польша, съ какою-то необыкновенною торопливостію спѣшить теперь со-всѣмъ олатинить и во всемъ уподобить себѣ русскихъ, и уже не только православныхъ, но и униатовъ. Поляки понимали, что униаты, принявъ ученіе римское, еще не стали поляками, что у нихъ есть свои преданія, обряды и обычаи, составляющіе ихъ особенность, мѣшающіе имъ слиться съ Польшею въ одну народность. Теперь они и направили свои усилія на то, чтобы стереть различія между польско-католическими и униатскими

обрядами, чтобы совершенно подавить православныя преданія между униатами. Началось истребленіе униатскихъ обрядовъ и замѣла ихъ латинскими. Когда, такимъ образомъ подверглась разрушенію и церковь униатская, тогда и сами униаты увидѣли тотъ гибельный для всего православнаго и русской народности конецъ, къ которому вели ихъ поляки. И это тѣмъ болѣе должно было случиться, что большинство униатовъ, особенно изъ низшихъ сословій и духовенства, вовлечено было въ унию насильво, а слѣдовательно отдѣлено было отъ православной русской церкви не столько духомъ, сколько внѣшнею зависимостью. Среди такихъ униатовъ ожили родныя и святія преданія старины православной—и скоро началось среди униатовъ сильное движеніе въ пользу православія и русской народности. Гонимая за вѣру Русь литовская обратила свой взоръ и упованіе къ Руси Восточной, гдѣ церковь православная благоденствовала подъ скипетромъ русскихъ самодержцевъ. На мольбы изъ юго-западной Руси русскіе государи и государыни нѣсколько разъ грозно и сильно призывали Польшу къ вѣротерпимости. Но когда, наконецъ, истоцилось терпѣніе ихъ или, лучше сказать, когда истоцилась мѣра долготерпѣнія Божія, послѣдовали при Екатеринѣ II, три раздѣла Польши. Большая часть польскихъ областей съ униатскимъ населеніемъ возвращена была Россіи. Едва успѣло совершиться это дѣло Провидѣнія, едва замолки послѣдніе звуки оружія Екатерины, какъ три милліона униатовъ, съ удивительнымъ единодушіемъ, по собственному побужденію, возвратились въ лоно православной церкви.

Осталось въ предѣлахъ Россіи еще около 2 милліоновъ униатовъ. Но этотъ остатокъ отторгнутаго отъ православія русскаго народа долѣе другихъ собратій своихъ состоялъ въ униіи, долѣе другихъ находился подъ могущественнымъ гнетомъ Польши и католичества, даже русскимъ правительствомъ (при Императорѣ Павлѣ I), подчиненъ былъ одной съ католиками начальственной коллегіи. Казалось, время должно было

совсѣмъ олатинить этихъ униатовъ; казалось, этотъ народъ совершенно потерянь для православія. Не такъ думали тѣ, которые знали и народъ и смиренныхъ его пастырей. Изъ самыхъ этихъ униатовъ явились люди, понимавшіе и опасность своего положенія и сердечныя стремленія къ православію лучшей части своихъ собратій. Таковъ былъ приснопамятный, сначала униатскій, а потомъ православный, епископъ Іосифъ (Сѣмашко). Страданія роднаго народа, подавленнаго латинствомъ и польщиною, побудили его идти на служеніе ему. Іосифъ Сѣмашко поставилъ дѣломъ своей жизни—возвратить угнетенному народу свободу его древней вѣры и народности. Къ счастью для западно-русскаго народа, этотъ энергичный человекъ, еще до своего епископства, сдѣланъ былъ членомъ католической коллегіи, управлявшей и униатами. Здѣсь онъ открылъ спокойную, но неотразимую борьбу противъ римско-католическихъ членовъ коллегіи, посягавшихъ на греко-униатскую церковь и духовенство. По его ходатайству предъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который глубоко чувствовалъ великую историческую неправду, выпавшую на долю западной Россіи, церковь униатская была преобразована. По его ясному изложенію дѣла, униаты освобождены были изъ подъ власти католиковъ и подчинены были особой греко-униатской духовной коллегіи. Освободившись отъ вліянія католиковъ, Іосифъ Сѣмашко рѣшился дѣйствовать въ пользу воссоединенія униатовъ съ православною церковію. По его представленію, предприняты были правительственныя мѣры, которыя должны были послѣдовательно вести униатовъ къ воссоединенію съ православіемъ. Эти мѣры состояли въ ограниченіи вліянія католиковъ на униатовъ. Мысль о воссоединеніи униатовъ съ православіемъ, благодаря неутомимой и усердной дѣятельности Іосифа, зрѣла и распространялась въ средѣ тогдашняго униатскаго духовенства. Сподвижниками преосв. Іосифа въ дѣлѣ подготовки униатскаго духовенства къ воссоединенію съ православными явились еще два униатскіе епископа—другъ его Антоній (Зубко)

и Василій (Лужинскій) и многіе изъ старшаго, болѣе просвѣщеннаго священства въ уніатскихъ епархіяхъ. Стараніями преосв. Іосифа и его сподвижниковъ стало выводиться изъ уніатской церкви то, что ей было навязано или само вкралось въ нее отъ латинства: стали возстановляться уставы и обряды православные; возвращалось древнее устройство и самымъ уніатскимъ храмамъ и богослуженію. Довольно было десяти лѣтъ дѣятельности такихъ ревностныхъ поборниковъ православія и русской народности: и святое дѣло окончательнаго воссоединенія всѣхъ уніатовъ въ Россіи съ православною церковію совершилось мирно, съ рѣдкимъ единодушіемъ и пастырей и пасомыхъ.

Таковы были судьбы западныхъ братій нашихъ. Отторгнутые нѣкогда отъ праеославной церкви насиліемъ и кознями враговъ православія и русской народности и, подъ гнетомъ иноплеменнаго и иновѣрнаго ига, почти забывшіе свое происхожденіе, они—пятьдесятъ лѣтъ назадъ—преобразились вѣрою, возвратясь къ чистымъ догматамъ древней православной церкви, преобразились духомъ, возвратясь къ сообществу съ родною своею матерію—всероссійскою церковію и къ ея постановленіямъ; преобразились сердцемъ, обновя чувство родственной любви къ великому русскому племени и нашему отечеству. Воссоединеніе западныхъ братій нашихъ съ Русскою церковію служитъ залогомъ ихъ народнаго безпрепятственнаго развитія въ духѣ Православія, подъ руководствомъ Русской церкви и подъ покровительствомъ нашего православнаго Монарха. Раздѣлимъ же радость ихъ общемо съ ними благодарственною молитвою къ Богу, призрѣвшему на нихъ Своею милостію. Возблагодаримъ Бога въ чувствѣ радости и за милость, явленную церкви Россійской, за дарованное ей торжество надъ враждебнымъ къ ней католичествомъ. Возблагодаримъ Бога и за милость къ отечеству нашему, которое еще болѣе укрѣпилось, приобрѣтя въ воссоединившихся вѣрныхъ сыновъ, соединившихся съ нимъ крѣпчайшими узами

вѣры и любви. Благодарнѣ помянемъ и всѣхъ, потрудившихся въ благомъ дѣлѣ воссоединенія—для пользы церкви православной, всей Руси святой и западныхъ нашихъ соотечественниковъ. Аминь.

Преподаватель семин. *Теодоръ Соболевъ.*

Мірской (небогослужебный) костюмъ древняго и современнаго священника.

Обычай—одѣваться священнику, а также и другимъ лицамъ, состоящимъ въ клирѣ, въ свои особенныя одежды, отличныя отъ одеждъ, носимымъ мірянами,—весьма древній: ему далеко за тысячу лѣтъ. Такъ заставляеть насъ думать одно изъ правилъ (именно 27-е правило) пято-шестаго (иначе называемаго Трульскимъ) собора, созваннаго по волѣ императора Юстиніана II въ 691 году:... „Никто изъ числящихся въ клирѣ да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая въ городѣ, ни находясь въ пути, но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды, уже опредѣленныя для состоящихъ въ клирѣ“, такъ читается это правило. Выраженіе сего правила „уже“ даетъ знать, что особая одѣжда у священниковъ (да и вообще у клириковъ) явилась не задолго предъ соборомъ. Почти двѣнадцать столѣтій прошло со времени этого собора; священники и по нынѣ одѣваются особеннымъ, отличнымъ отъ мірянъ образомъ, имѣя свои, такъ сказать, спеціальныя одежды, но тѣмъ не менѣе и настоящій священническій небогослужебный костюмъ значительно разнится отъ древняго.

Нашъ православный священникъ въ настоящее время имѣеть двѣ выходныя или публичныя одежды, именно рясу и подрясникъ. Но что касается настоящей рясы, то она, по своему происхожденію, весьма поздняя: она явилась первоначально у грековъ въ XVI столѣтіи и отъ нихъ была перенята нами лишь въ половинѣ XVII в., при патріархѣ Никонѣ, а до этого времени выходною и публичною одеждою священни-

ковъ (а также діаконовъ, и всѣхъ вообще клириковъ,—чтецовъ и пѣвцовъ) (1), у насъ была одна,—та, что нынѣ называется подрясникомъ, но, конечно, не въ нынѣшнемъ своемъ видѣ. И подрясникъ нашъ, равно какъ и ряса, прежде чѣмъ стать такими, каковы они теперь, претерпѣли значительныя измѣненія. Объ этихъ то измѣненіяхъ, и о томъ, какъ и откуда явились нынѣшніе подрясникъ и ряса, мы и побесѣдуемъ съ нашими читателями.

Первоначальная родина священническихъ небогослужебныхъ одеждъ, а также монашескихъ и священныхъ (церковныхъ)—древняя Греція. Но на первыхъ порахъ всѣ эти одежды ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ мірскихъ одеждъ.

„Греческая одежда была сравнительно съ нашею проста. Греки (и римляне) довольствовались самою необходимою и незатѣйливою одеждою,—такою, которая бы не только не стѣсняла членовъ ихъ тѣла, укрѣпленнаго или закаленнаго постоянными упражненіями или войною, но даже не вполне, на сколько это позволяло приличіе, покрывала ихъ“ (2). Такимъ неприхотливымъ требованіямъ грековъ вполне удовлетворялъ такъ называемый *иматій*. Это былъ плащъ четырехугольной, продолговатой формы, который набрасывался такимъ образомъ, что спускался внизъ отъ шеи своею широкою стороною (3). Носить его такъ, чтобы имъ закрывалось все тѣло, считалось (въ древнѣйшія времена) признакомъ приличія и скромности. Съ теченіемъ времени (во времена имперіи) греки стали носить еще другой *иматій* съ рукавами (4), длинный и широкій, который въ отличіе отъ перваго назывался *каввадіемъ* (5). На

(1) Симеонъ Солунскій.

(2) Такъ одѣваться заставляли грековъ не только южный теплый климатъ, но и чувство умѣренности, проявлявшееся во всей ихъ жизни. Ф. Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ. Прага. 1878 г. стр. 205.

(3) Ф. Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ, стр. 212.

(4) Мірскіе *иматіи* или *каввадіи* въ настоящее время у грековъ выходятъ изъ употребленія, уступая свое мѣсто болѣе короткимъ одеждамъ.

(5) Священнической *иматій* въ общежитіи назывался и до сихъ поръ называется *каввадіемъ*, а въ письменныхъ памятникахъ—*иматиюмъ*.

первыхъ порахъ своего существованія онъ имѣлъ еще ту особенность, что передъ его былъ неразрѣзавъ, глухой (на подобіе діаконскаго стихаря, или архіерейскаго саккоса). Не извѣстно, когда вошло у грековъ въ обычай—дѣлать одежды съ полами чрезъ разрѣзываніе переда, а когда и явился такой обычай, то греки не сразу перешли къ свободной распашкѣ, почему и иматій у нихъ, вѣроятно, долженъ былъ застегиваться отъ верху до низу. Этотъ второй (рукавный) иматій, сшитый изъ черной матеріи, употреблялся, какъ одежда траурная. „Необходимо думать, что, какъ таковую одежду, и усвоили себѣ священники второй иматій, т. е. что изъ одеждъ употреблявшихся въ міру, они избрали одежду траурную, поелику ова всего болѣе имъ приличествовала, какъ одежда наиболѣе скромная и степенная“ (6). Основаніемъ для этого могло послужить также и 16-е правило 7-го вселенскаго собора, которое гласитъ: „всякая роскошь и украшеніе тѣла чужды священническаго чина и состоянія; сего ради епископы или клирики, украшающіе себя свѣтлыми и пышными одеждами да исправляются; аще же въ томъ пребудутъ, подвергати эпитиміи“.

Симеонъ Солунскій довольно обстоятельно описываетъ (7) этотъ священническій иматій. По его словамъ,—онъ широкій, длинный (до пять), съ неширокими рукавами, выходящими изъ стана. (Во времена Симеона Солунскаго священники не носили по иматіямъ поясовъ (8), какъ носятъ ихъ нерѣдко въ настоящее время по подрясникамъ). Такимъ же, или почти такимъ изображается священническій иматій въ дошедшихъ до насъ рукописяхъ (9) того времени, когда священники не носили еще рясы, и когда иматій былъ единственною выход-

(6) Голубинскій, т. I, ч. I, стр. 466.

(7) См. вышеозначенное его сочиненіе.

(8) Только одни чтецы препоясывали свои иматіи.

(9) Такова, напр., рукопись съ лицевымъ житіемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго второй половины XV в., находящаяся нынѣ въ Свято-Троицкой Сергіевой лаврѣ и изданная послѣднюю въ литографическомъ снимкѣ въ 1853 г.

ною и публичною одеждою священника. Иматій (или каввадій) въ этихъ рукописяхъ изображается широкою, длинною (до пять) одеждою, безъ талии, съ довольно широкимъ отъладнымъ воротникомъ, закругленнымъ на концахъ, или, какъ говорятъ, шалью, съ рукавами совершенно такими же, какъ и у настоящихъ подрясниковъ, именно съ концами, плотно обхватывающими кисти рукъ на подобіе поручей, застегнутый отъ ворота до подола на длинный рядъ пуговицъ, отъ чего, по всей вѣроятности, онъ и получилъ у насъ названіе однорядки, т. е. одежды, застегнутой только на одинъ рядъ пуговицъ ⁽¹⁰⁾. Нынѣшній священническій подрясникъ отъ старой однорядки отличается тѣмъ, что имѣетъ талию, а потому онъ и не такъ широкъ, какъ однорядка,—что воротникъ вмѣсто отложнаго, довольно большаго, имѣетъ маленькій, стоячій, и что не застегнуть по поламъ. Такія существенныя измѣненія въ нашей прежней однорядкѣ были сдѣланы вслѣдъ за появленіемъ рясы, и были вызваны они желаніемъ устранить неудобства, происходящія отъ ношенія двухъ широкихъ одеждъ. И вотъ, однорядку съузили, начавъ дѣлать ее со станомъ (въ талию), широкій отложный воротникъ, какъ представляющій неудобства при верхней одеждѣ, передѣлали въ маленькій и стоячій, застегиваніе по поламъ уничтожено или потому, что замедляло шагъ, или же потому, что съ появленіемъ рясы на нее перешла обязанность закрывать нижнее платье.

Но хотя однорядка, какъ выше сказано, была единственною выходною и публичною одеждою священника, тѣмъ не менѣе наши древніе священники не всѣ и не всегда одѣвались въ нее. Вѣдь и теперь еще не всѣ священники въ домашнемъ быту ходятъ въ одеждахъ, усвоенныхъ ихъ сану, и зачастую одѣваются также, какъ и крестьяне; въ древнія же времена такое явленіе было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ и зауряднымъ.

⁽¹⁰⁾ По такому виду своему священнич. иматій или однорядка весьма напоминаетъ собою одежды католическаго духовенства: сутанъ (верхняя соотвѣтств. нашей рясы) и подсутанъ (соотвѣтств. нашему подряснику).

Древніе наши священники надѣвали однорядку по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, когда шли въ церковь на обѣдню, да и то, повторяемъ, не всѣ и не всегда. Были и такіе, которые такъ—таки и совсѣмъ не имѣли одежды, усвоенной своему званію,—однорядки, и не только ходили, но и служили въ тѣхъ же самыхъ одеждахъ, что и міряне, отличаясь отъ послѣднихъ особымъ головнымъ покровомъ, о которомъ скажемъ ниже.

Относительно качества одеждъ нужно сказать, что священники одѣвались по средствамъ. Богатые (какихъ было немного) ходили въ дорогихъ одеждахъ изъ заграничныхъ шелковыхъ матерій; священники въ приходахъ, такъ сказать, средней руки одѣвались въ высшей степени скромно,—„носили одежды изъ всякаго рода матерій болѣе или менѣе дешеваго фабричнаго приготовленія“ (11), но и такихъ священниковъ было немного; большинство же ихъ носили одежды изъ домашняго холста и изъ домашняго (сермяжнаго) бѣлаго или сѣраго суконъ и одѣвались вообще весьма убого. До какой степени нѣкоторые священники одѣвались бѣдно, видно изъ того, что даже въ первой половинѣ минувшаго столѣтія многіе священники ходили въ лаптяхъ, въ нихъ щеголяли они и въ самой столицѣ—Москвѣ; въ нихъ же представлялись они и архіереямъ (12); да и такая то бѣдная нищенская одежда не всегда была опрятна и цѣла; большинство священниковъ были люди рубищные и лохмотные, одѣтые въ грубыя и раздражняющія одежды.

Что касается нынѣшняей рясы, то она, какъ сказано выше, происхожденія недавняго. Явилась ряса первоначально у грековъ въ XVI в., у которыхъ была позаимствована для насъ патріархомъ Никономъ и въ качествѣ обязательной одежды на первыхъ порахъ была введена у насъ между монахами; свя-

(11) Голубинскій, т. I, ч. 1, стр. 470.

(12) Истор. Москов. Епарх. Управ., ч. 1, М., 1869 г., стр. 137. Н. Розанова. Посошкоть. О скудости и богатствѣ, гл. 1.

щенникамъ же даже въ концѣ XVII столѣтія необязательно было носить ее. Патріархъ Іоакимъ, скончавшійся въ 1690 году, предписывалъ священникамъ одѣваться или по подобію греческихъ монашескихъ рясъ, или же по обычаю Россійскому священническому—въ однорядки. Такимъ образомъ ряса—собственно монашеская одежда. У монаховъ, такъ называемыхъ, рясофорныхъ она была и верхнею и вмѣстѣ съ тѣмъ не только домашнею, но и выходною ⁽¹³⁾ одеждою, манатейные же монахи одѣвались въ рясы только дома; у нихъ была особая выходная одежда—мантія. Монашеская ряса отъ священническаго иматія (однорядки) разнилась весьма мало; она не имѣла воротника и не была такъ просторна въ талии, какъ иматій; во всемъ же остальномъ она совершенно походила на него. Такое близкое сходство или подобіе этихъ двухъ одеждъ простиралось даже и на матерію, изъ которой онѣ изготовлялись или—вѣрнѣе—на качество матеріи, давшее имя самой рясы. Ряса—это названіе нынѣшней верхней священнической одежды—не русское, а латинское. Въ латинскомъ языкѣ есть слово *rasus*, отъ котораго образовалось и наше ряса. *Rasus* обыкновенно производятъ ⁽¹⁴⁾ отъ латинскаго глагола *rado*, что значитъ скребу, скоблю, очищаю; отсюда ряса будетъ означать одежду выношенную, вытертую, лишенную ворсы, вообще одежду весьма худую ⁽¹⁵⁾. Отсюда и названіе ряса и могло быть усвоено верхней одеждѣ, и именно потому, что она должна была изготовляться изъ грубаго сукна ⁽¹⁶⁾. И долго, долго монашеская ряса сохраняла свою первоначальную форму. По подобію священническаго иматія (однорядки) она имѣла видъ

⁽¹³⁾ Голубицкій. Исторія русской церкви, т. 1-й, ч. 2-я, стр. 565, 566.

⁽¹⁴⁾ Тамъ же см., напр., стр. 471.

⁽¹⁵⁾ Слово это употребляется еще для обозначенія вообще всякой грубой одежды, сшитой изъ грубой матеріи—въ родѣ нашего сермяжнаго или солдатскаго сукна.

⁽¹⁶⁾ Перѣдко, впрочемъ рясами назывались и всѣ вообще монашескія одежды (а не одна только верхняя) и именно потому, что всѣ онѣ должны были быть „нищетными“. Уставъ церковный, глава 39.

длинной (до пять) рубашки съ рукавами и глухимъ (неразрѣ-
заннымъ) передомъ, чѣмъ много напоминала собою хитонъ
позднѣйшихъ грековъ (17), или же отчасти нашу длинную ру-
баху. Священники же, позаимствовавъ рясу у монаховъ, сдѣ-
лали ее своею верхнею и при томъ выходною и публичною
одеждою, но, не желая въ тоже время разстаться и съ одно-
рядкою, должны были этимъ двумъ почти одинаковымъ одеж-
дамъ сообщить нѣкоторыя измѣненія для болѣе удобнаго по-
шенія ихъ. Эти измѣненія коснулись главнымъ образомъ рясы:
передъ у ней былъ разрѣзанъ, данъ ей воротникъ, узкіе рукава
замѣнены широкими, а талія сдѣлана болѣе просторною. Одно-
временно съ этимъ подверглась преобразованію и однорядка.
Вмѣсто длиннаго (до низу) ряда пуговицъ оставляется ихъ
(отъ ворота до пояса) самое ограниченное (необходимое для
застегиванія) количество (отъ 2-хъ до 6-ти), широкій отлож-
ной воротникъ уступаетъ свое мѣсто узкому и стоячему, станъ
суживается. Съ этого времени священнической иматій или
наша старинная однорядка теряетъ свое прежнее названіе и
получаетъ новое. Находясь подъ верхней одеждою, именуемой
рясою, она уже называется подрясникомъ (18).

Прослѣдивъ въ краткихъ словахъ исторію происхожденія
нынѣшнихъ священническихъ одеждъ—рясы и подрясника,
считаемъ нелишнимъ, для полноты настоящей замѣтки, ска-
зать нѣсколько словъ и о головномъ покровѣ древнихъ свя-

(17) Хитонъ у древнихъ грековъ былъ нижнею одеждою (Велишскій.
Быть грековъ и римлянъ, стр. 206), но съ теченіемъ времени онъ сталъ верх-
нею или выходною одеждою.

(18) Въ общежитіи чаще можно слышать другое названіе—кафтанъ,
чѣмъ подрясникъ. Слово—кафтанъ можно, вѣроятно, производить отъ грече-
скихъ словъ: *κασ* (ката), по, на, около, подлѣ, и или *ταβια* полоса, лента,
повязка, или же *τινω*, тянуть, натягивать, туго привязывать къ чему. (Въ
эпической формѣ, у Гомера, встрѣчается форма отъ этого глагола *τινω*,
что можетъ быть и прош. совер. страд. зал. и буд.). Производимый отъ этихъ
греческихъ словъ нашъ кафтанъ будетъ означать одежду, натянутую на тѣло,
плотно прилегающую къ тѣлу, туго стянутую лентою (поясомъ) вокругъ
(около) тѣла.

щенниковъ и о головныхъ волосахъ, такъ какъ и видомъ головы своей нынѣшній священникъ много не похожъ на древняго. Древній священникъ подстригалъ свои волосы въ кружокъ совершенно также, какъ дѣлають это (впрочемъ не вездѣ) нынѣ наши крестьяне, при чемъ волосы по сторонамъ не расчесывались. Кромѣ того, древній священникъ большую часть головы гладко выстригалъ или и выбривалъ кругловиднымъ образомъ, оставляя ниже этой выстрижки подстриженныхъ волосъ пальца на два—на два съ половиною, такъ что изъ этихъ волосъ образовывался вокругъ головы вѣнецъ, напоминавшій собою тотъ терновый вѣнецъ, его же носи Христосъ; такая выстрижка носила названіе у грековъ стефанос, т. е. вѣнецъ, а у насъ—гуменце (въ просторѣчій—плѣшь). Обычай носить лицамъ, состоящимъ въ клирѣ, подстриженные волосы—заимствованъ былъ и нами и также у грековъ, у которыхъ подстриженные волосы считались признакомъ простоты и скромности; существовалъ онъ у насъ даже до начала прошлаго XVIII вѣка (19). Лицо, вступавшее въ клиръ, въ первый разъ подвергалось такому остриженію при посвященіи въ первую степень клира, т. е. чтеца. При этомъ на главу посвящаемаго (постригаемаго) возлагалась особая суконная шапочка, называвшаяся скуфьею. Эта шапочка плотно лежала на выстриженномъ мѣстѣ головы, прямо на кожѣ (какъ еврейская ермолка), и была какъ бы обрамлена или оторочена подстриженными въ кружокъ волосами. Шапочку или скуфью свою священникъ никогда не снималъ (развѣ только для того, чтобы подстричь или выбривъ отросшее гуменце, что должна была дѣлать попадья, а некто либо иной) (20), и имѣлъ ее на головѣ не только на улицѣ, но и дома и въ самой церкви—служилъ ли онъ въ ней, или только просто присутствовалъ (21). Эта шапочка, такимъ обра-

(19) Голубинскій, т. 1, ч. 1, стр. 477, 478.

(20) Православный Собесѣдникъ, 1861 г., кн. 3, стр. 347.

(21) Голубинскій, т. 1, ч. 2, стр. 234: „Бѣлые духовные служили ли они въ церкви службы, или же только просто присутствовали въ ней, во

зомъ, представляла собою какъ бы священную принадлежность, какъ бы особый знакъ духовнаго сана, и имѣла весьма великое значеніе (22).

Кромѣ шапочки—скуфьи, съ которой древній священникъ никогда не разлучался, онъ имѣлъ еще и другой головной покровъ и употреблялъ его только внѣ дома—для защищенія головы отъ тѣхъ или иныхъ атмосферныхъ вліяній. Такой головной покровъ былъ, какъ и нынѣ, произвольный. Лѣтомъ священники носили шляпы, похожія на наши, но только съ болѣе низкой тульей и еще съ болѣе широкими полями; въ края шляпы, противъ ушей, вдѣвались пинурки; низкіе концы ихъ сшивались вмѣстѣ (у шеи) и тутъ же, для красоты, пришивалась большая кисть. Зимой нашъ священникъ носилъ особую шапку, весьма похожую на каску нашего пожарнаго солдата. Такая шапка закрывала и уши и затылокъ и извѣстна была подъ названіемъ треуха или малахая. Цвѣтъ внѣшнихъ головныхъ покрововъ, т. е. шляпъ и шапокъ, былъ по преимуществу бѣлый.—Есть мнѣніе, что не только шляпы и шапки у древнихъ священниковъ были бѣлыя, но, будто, изъ матеріи того же бѣлаго цвѣта изготовлялись и рукава и воротники у священническихъ иматіевъ (23). Если это такъ, то мы имѣемъ здѣсь отвѣтъ на вопросъ, почему приходское духовенство называется бѣлымъ (24).

всякомъ случаѣ изъ своего двойнаго покрова имѣли на головахъ только внутренній, или скуфьи, снимая вообще при входѣ въ церковь наружный, шляпы и шапки.—Выше (стр. 233) онъ говоритъ, что „не только священники, но и архіереи снимали свои скуфьи въ важнѣйшія времена литургіи, совершая важнѣйшія дѣйствія съ непокрытыми головами“.

(22) Въ „Чтен. Общ. Истор. и Древн.“ (1864 года, Апрѣль, стр. 351), по поводу священнической шапочки, читаемъ слѣдующія, не лишеныя интереса, строки: „...если кто ударить попа и при томъ попадетъ по шапочкѣ, то подвергается большому взысканію и долженъ заплатить попу безчестіе....“

(23) Голубинскій, т. I, ч. I, стр. 469 (примѣч. I.), стр. 480 (прим. I.).

(24) Обыкновеннымъ цвѣтомъ греческой одежды вообще, а въ особенности верхней и праздничной, былъ бѣлый. Бѣлый цвѣтъ одежды преобладалъ также и у римлянъ.—См. Ф. Велишскій. Бытъ грековъ и римлянъ. Прага. 1878 года, стр. 225.

Такимъ образомъ, какъ видимъ, нашъ пынѣшній священникъ по своему небогослужебному одѣянію весьма мало похожъ на своего собрата не только древнихъ, но и не такъ давно минувшихъ временъ. Къ сожалѣнію, повторяемъ, мы не можемъ точно обозначить годы, въ которые вошли во всеобщее употребленіе между священниками тѣ или иныя принадлежности ихъ настоящаго мѣрскаго костюма. Вѣдь и теперь еще нѣтъ полнаго одвообразія въ изготовленіи священническихъ одеждъ; ряса, напр., и нынѣ въ разныхъ мѣстахъ шьется съ нѣкоторыми мѣстными, такъ сказать, особенностями, посему и существуютъ особыя, такъ называемыя, по—портняжному, покроя Петербургскій, Московскій, и проч. А кто можетъ сказать, съ какого времени установились эти различія въ существующихъ нынѣ покрояхъ рясы?!... *Tempora mutantur*, и вмѣстѣ съ временами измѣняются взгляды людскіе; являются новыя нужды, новыя требованія, подъ вліяніемъ чисто климатическихъ и другихъ условій, а это ведетъ въ свою очередь къ измѣненіямъ, дополненіямъ и перемѣнамъ, которыхъ не избѣжалъ и священническій костюмъ, и, подвергаясь время отъ времени имъ, онъ, наконецъ, принялъ тотъ видъ, въ какомъ мы видимъ его на священникѣ въ настоящее время.

Священникъ *Ал. Он—въ.*

Поднесеніе бывшему благочинному наперснаго золотого креста съ дорогими украшеніями.

Въ воскресенье 4-го Іюня сего года, въ Грязовецкомъ Христорожественскомъ соборѣ, съ разрѣшенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Израиля, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго, происходило чествованіе настоятеля сего собора о. протоіерея Павла Петровича Суровцова поднесеніемъ ему наперснаго золотого съ дорогими украшеніями креста отъ духовенства Кадниковскаго уѣзда 1-го благочинническаго округа, въ которомъ о. Павель, до перемѣненія своего въ

Грязовець, 18 лѣтъ проходилъ должность благочиннаго. По этому случаю, на канунъ воскресенья, о. протоіереємъ отслужено было всенощное бдѣніе соборне вмѣстѣ съ прибывшими представителями отъ духовенства упомянутаго Кадниковскаго округа, въ числѣ трехъ лицъ, именно: благочиннаго о. Василя Сибирцева, его помощника о. Н. Колосова и о. П. Голубева. Въ воскресенье, по окончаніи божественной литургии, совершенной также соборне, предъ началомъ благодарственнаго молебствія, прочтенъ былъ священникомъ Н. Колосовымъ адресъ о. протоіерею отъ духовенства бывшаго его благочинія, послѣ чего поднесенъ былъ ему и наперсный золотой крестъ съ украшеніями. Принявъ крестъ, о. протоіерей, видимо глубоко тронутый, произнесъ прочувствованную отвѣтную рѣчь. За тѣмъ отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій.

Перстъ Вожій.

Въ Кіевѣ на Глубочицѣ, въ домѣ Шполянскаго, проживалъ сапожникъ, Кіевскій мѣщанинъ Котляревскій, мужчина въ цвѣтѣ силъ, лѣтъ 40. Котляревскій былъ ревностнымъ послѣдователемъ штундизма. Главной задачей его было проповѣдываніе противъ иконъ, причемъ онъ не стѣснялся въ употребленіи самыхъ грубыхъ и дикихъ пріемовъ. Рьяный иконоборецъ ходилъ на сборище своихъ послѣдователей гдѣ-то въ Плоскомъ участкѣ. На-дняхъ, во время послѣдняго своего посѣщенія, Котляревскій удивилъ всѣхъ своими безумными рѣчами, страшной хулой на иконы, причемъ особенно издѣвался надъ иконой Богоматери. Едва вернувшись изъ сборища домой, Котляревскій упалъ сразу пораженный параличемъ рукъ и ногъ. Неожиданный ударъ, сразившій отступника, произвелъ сильное впечатлѣніе; многіе приходятъ смотрѣть и видятъ въ этомъ случаѣ явную кару. Больной слабъ и говоритъ очень плохо. Произведеннымъ дознаніемъ еще не выяснено мѣста сборища, гдѣ участвовалъ Котляревскій, но до этого случая о

немъ уже находилось въ производствѣ дѣло у одного изъ судебныхъ слѣдователей за уничтоженіе иконъ и богохульство. Какъ отнесутся къ этому его сообщники-штундисты?... (Кіев. Слово).

Замѣчательный случай изъ раскола.

Случай этотъ имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Злобинской, Вятской губерніи; и рассказанъ нынѣ, въ началѣ минувшаго великаго поста, старцемъ крестьяниномъ А. С. З. приходскому священнику, когда послѣдній по обычаю св. Правосл. церкви, навѣщалъ приходъ свой для прочтенія „молитвъ въ началѣ поста св. Четырехдесятницы“.

„Насъ было два брата: я и старшій братъ Александръ,— такъ началъ рассказъ свой А.,—и жили мы при отцѣ вмѣстѣ. Родители наши были люди набожные, часто ходили въ церковь, и Господь видимо благословлялъ насъ всякимъ достаткомъ. По смерти отца старшій братъ мой Александръ не захотѣлъ жить со мною, и, получивъ изъ родительскаго имѣнія слѣдующую ему часть, ушелъ отъ меня въ раздѣлъ. И мать, наша родительница, пожелала жить съ нимъ, потому что у брата были малыя дѣти, а у меня тогда былъ уже сынъ женатый. Послѣ раздѣла и братъ мой также скоро зажилъ хорошо, нѣлбносно посѣщалъ храмъ Божій, и жилъ со мною въ ладу и всякомъ согласіи. Но врагъ—злодѣй попуталъ его. Однажды когда-то послѣ зимняго праздника чобывали у брата гости-раскольники поморскаго толка, и почитали ему „для души спасенья“ какую-то книгу, привезенную ими будто-бы изъ Казани. Съ этого времени братъ мой совсѣмъ измѣнился, сталъ чуждаться и меня, называя меня мірскимъ человѣкомъ, и не сталъ со мною ни пить, ни ѣсть вмѣстѣ, да и родительницу нашу началъ уговаривать, чтобы она бросила православную вѣру и перешла въ старовѣрство. Но родительница ни за что не соглашалась мѣнять вѣру.—Не смотря на это, лукавый все таки довершилъ свое дѣло. — Услыхалъ я однажды, что старушка-мать

наша сильно захворала. И прихожу я къ брату, и спрашиваю, кому изъ насъ ѣхать за священникомъ, чтобы исповѣдать и приобщить больную?—А на что попа?—отвѣчалъ мнѣ братъ „Вѣдь мы живемъ теперь по старой вѣрѣ: вѣтъ, не надо попа, не за чѣмъ ему“!—Горько мнѣ стало, продолжалъ А., отъ такихъ словъ брата роднаго, и я заложивъ своихъ лошадей, совсѣмъ собрался было ѣхать въ село за батюшкою, но братъ рѣшительно сказалъ мнѣ, что онъ ни за что не пуститъ попа въ свой домъ.—Это же самое онъ говорилъ и на просьбы матери, и всячески отклонялъ ее отъ послѣдняго предсмертнаго напутствія чрезъ священника.—Часъ смерти родимой между тѣмъ приближался, и стали мы съ братомъ просить у нея благословенія. Благословивъ меня, она сказала брату моему: вотъ я умираю не исповѣдавшись и не причастившись, по твоей, сынъ мой Александръ, виности. Не дасть же тебѣ Господь счастья за это. Я умираю изъ за тебя безъ покаянія: помни же, что и ты за мной скоро согласишься также безъ покаянія.—И что же? заключилъ А. свой рассказъ; не прошло и двухъ недѣль послѣ смерти матери, какъ брата Александра задавило на смерть бревномъ во время пилки лѣса, и притомъ такъ, что остался невредимъ его товарищъ, который былъ внизу подъ бревнами, а между тѣмъ братъ мой съ пилою находился вверху на бревнахъ, которыя съ подставками упали на землю, и онъ угодилъ какъ разъ подъ нихъ, не успѣвъ промолвить и послѣдняго слова“.

Прибавлять къ сему рассказу нечего. Въ немъ ясны сами собою и дѣйствительность благословенія родительскаго, и очевидная погибельность раскола, и наказаніе Божіе за отдѣленіе отъ св. Православной церкви.

Рассказъ сей, въ назиданіе и поученіе православнымъ и раскольникамъ, записанъ со словъ лично слышавшаго священника. (Вят. Епарх. Вѣд.).

Полезные церковно-хозяйственные совѣты живописца.

Въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ живописецъ Молокинъ даетъ очень практичныя и полезныя совѣты о чисткѣ

иконъ и утвари церковной. Г. Молокинъ говорить, что нерѣдко для приданія свѣжести древнимъ, а иногда и новымъ иконамъ протирають ихъ деревяннымъ масломъ, чеснокомъ или лукомъ, или какимъ либо жиромъ, или покрываютъ лакомъ. Этого допускать ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ. Но если иконы запылились и закоптились, слѣдуетъ ихъ промыть влажною губкою; вода должна быть мягкая, лучше всего кипяченая, но непремѣнно холодная; а затѣмъ, не давая водѣ высохнуть, отереть икону старой чистой бумажной мягкой тряпкой. Если же отъ такой операціи грязь съ иконы не сойдетъ, то поступать вышесказаннымъ порядкомъ вторично и употребить въ небольшой дозѣ мыло: бѣлое или прозрачное глицериновое (сѣрое простое мыло допускать не слѣдуетъ). Если же отъ этой операціи грязь и копоть не отходятъ, то дальнѣйшее должно предоставить технику-живописцу. Чистка домашнимъ способомъ церковной утвари—золотой, серебряной, накладнаго серебра, позолоченной, посеребренной и бронзовой: съ предмета слѣдуетъ прежде всего удалить пыль сухою щеткою, затѣмъ мыть его, тоже при помощи щетки, водою съ мыломъ (мыло можно употреблять и сѣрое, а воду холодную, теплую и горячую). Промыть хорошо вещь мыломъ, слѣдуетъ при помощи той же щетки, ополоснуть ее чистою водою, отереть на сухо бумажною тряпкой, а потомъ взявъ сухую кожу, по преимуществу лайку, изъ которой шьютъ перчатки, отирать, нажимая вѣрнѣе, очищаемую вещь лохматою стороною лайки. Снимать воскъ съ металлическихъ церковныхъ вещей (паникадилъ и проч.) слѣдуетъ деревяннымъ или роговымъ предметомъ, но лучше употреблять при этомъ такой способъ: предметъ залитый воскомъ опустить въ кипящую воду, или взять суконный или бумажный лоскутъ матеріи, положить въ него горячаго песку и имъ стирать воскъ. (Руков. для с. п. № 24, 1889 г.).

Средство отъ зубной боли.

Набрать листьевъ подорожника въ то время, когда онъ уже пачнеть отцвѣтать, настричь ихъ ножницами или искрошить помельче сѣчкой, засыпать ими бутылку водки и дать постоять нѣсколько недѣль, затѣмъ настой слить и держать готовый для употребленія. Нѣсколько капель на ватѣ, приложенныя къ больному зубу, унимають самую сильную боль почти мгновенно. Необходимо только, чтобы настой былъ самый крѣпкій, иначе онъ не подѣйствуетъ. Средство это совершенно безвредное, такъ какъ подорожникъ (*Plantago major*) растеніе вовсе не ядовитое. Его можно, какъ извѣстно, найти вездѣ, гдѣ только есть трава. Не худо прибавить къ настою нѣсколько капель обыкновенной валерьянной тинктуры, по это не составляетъ необходимости. Намъ часто случалось видѣть, какъ это средство помогло въ такихъ случаяхъ, когда всякія другія оказывались бессильными. (Моск. Церк. Вѣд. 1889 г. № 21).

Погрѣшность.

Въ № 2 Волог. Еп. Вѣд. сего года, въ офиц. части, въ отдѣлѣ пожертвованій, напечатано: „въ Кулойскую Одигитріевскую церковь пожертвованъ *Московскимъ* купцомъ и проч. Должно поправить: *Шмиссельбургскимъ* 2-й гильдіи купцомъ.

Содержаніе:

1) Слово на день празднованія пятидесятилѣтія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковію. Препод. семин. О. Соболева.—2) Мірской (небогослужебный) костюмъ древняго и современнаго священника.—3) Поднесеніе бывшему благочинному наперснаго золотого креста съ дорогими украшеніями.—4) Персть Божій.—5) Замѣчательный случай изъ раскола.—6) Полезные церковно-хозяйственные содѣянія живописца.—7) Средство отъ зубной боли.—8) Погрѣшность.

Редакторъ **Н. Суворовъ.**

Дозволено цензурою. Іюня 30 дня, 1889 года. Вологда. Въ типографіи Губернскаго Правленія.